А.С.Демин

Изобразительная анималистика "Слова о полку Игореве" и "Сказания о Мамаевом побоище"

К древнерусской литературной анималистике применимы очень различающиеся подходы. Они уводят далеко друг от друга, и поэтому целесообразно их не смешивать, а, наоборот, четко выбрать один из них. Первый подход - богословский и мифологический, т.е. изучение христианской и языческой символики животных. Богатейшая символика животных издавна и поныне пользуется непреходящей популярностью у исследователей[I]. Она помогает понять поэзию понятий и общих категорий в древнерусской общественной мысли. Однако сейчас хочется какого-то объекта поновее. Поновее оказывается второй подход - естественнонаучный, т.е. изучение реальных знаний писателей о природе. Естественнонаучному подходу к литературной анималистике едва ли исполнилось больше полувека. Тут каждая работа на счету. Однако пишут их, как правило, биологи. Это и понятно: их увлекает поэзия рационального опыта на Руси. Литературоведу, казалось бы, должен быть ближе третий подход к анималистике - искусствоведческий и психологический, т.е. изучение изобразительного начала в повествованиях о животных, изучение образов

[I] Из давних работ см., например: Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. М., 1901; Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая ХУП в.). М., 1902. Из современных работ см.: Лихачева О.П. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 99-105.

животных как неких содержательных целых. Увы, третий подход вызывает наибольшие сомнения в ученой среде и разработан как раз меньше всего. Именно его я и стараюсь оправдать. Анализ образов раскрывает поэзию реальности у древнерусских авторов, типы их воображения.

Для изучения древнерусской изобразительной анималистики нам очень пригождается банальное деление животных на диких и домашних. От рассказов и многочисленных упоминаний о домашних животных в памятниках, в том числе о конях, мы с легким сердцем можем отказаться. Иначе мы незаметно и неизбежно впадем в обозрение картин человеческого быта, включая воинский и охотничий быт. В то время как наша главная тема – изображение природы. Именно дикие животные в литературе являются объектом нашего повышенного внимания.

Начнем с краткой характеристики переводных памятников, потому что переводные памятники раньше оригинальных внесли анималистические темы в древнерусскую литературу. К изображению диких животных переводные памятники подступались с нескольких вполне предвидимых нами сторон. Но довольно своеобразно в каждом случае. Самое, на наш современный взгляд, естественное – описание отдельно взятого реального животного – почти не практиковалось в древнерусской литературе. А если описания все-таки встречались, то только фантастических животных. Наиболее потрясающие примеры содержит "Александрия", сначала хронографическая, затем так называемая сербская. Сербская "Александрия" развила анималистические тенденции хронографической "Александрии" в довольно полную систему. Она использовала все основные варианты мыслительного конструирования фантастических животных и фантастических людей. В "Александриях" изображены зверелюди, т.е. "звѣри человѣкообразны" ("двоеглавнии змиевы", но "ноги имѣяху" – "Александрия" сербская, 54) и людезвери ("половину человекъ, половину песъ" – "Александрия" хронографическая, 188; "все тѣло их че-

ловѣческо, глава же песья" - "Александрия" сербская, 102). Изображены безумно огромные твари ("блъхы скачюща, яко и жабы" - "Александрия" хронографическая, 76; "рацы исходяще, кони ухапаху" - "Александрия" сербская, 202) и удивительно миниатюрные люди ("локтя величеством" - 98). Изображены существа с необычно большим числом членов ("о шести ногъ и о трехъ очесѣхъ и о пяти очесехъ" - "Александрия" хронографическая, 77) и, наоборот, с недостатком или вообще отсутствием отдельных частей тела ("люди... о единои ноги... по каменью скачюще" - "Александрия" сербская, 114; "человеци безглавни" - "Александрия" хронографическая, 77. В "Луцидариусе" пояснено: "... люди бѣзглавнии, им же очи на плечахъ, и место устъ и носа имѣютъ на персехъ две диры" - 432). Изображены те существа, для кого смертельны обычные земные условия ("вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша" - "Александрия" сербская, 114), и те, кто, наоборот, чудесно жизнестоек ("повар рыбы сухие... во езере... измочи и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша" - 112), и больше того - те, кто неуязвим в самых ужасных обстоятельствах ("птици... приближашеся къ огню, вхожаху въ огнь и паки без вреда вылетаху изъ огня" - "Александрия" хронографическая, 188).

"Александрии" поощряли, как мы определили бы сейчас, комбинаторное мышление, лоскутную сшивку разнообразных сведений (ср.: "... до пояса имуще образ человечь, рогы же на главѣ - оленя, прочее же от пояса звѣрино тѣло имуща, нозѣ же прежнии - птичьи, задниии же - конеѣ" - "Александрия" хронографическая, 234). Та же фантастическая комбинаторика местами проявлялась и в "Физиологе", "Сказании об Индийском царстве", "Шестодневах" и "Палеях", в некоторых житиях, а затем в "Луцидариусе". За деловито сконструированными монстрами "Александрий" и иных памятников стояли энциклопедически осведомленные авторы и редакторы. Их творчество заключалось в самоумножении

этого энциклопедизма за счет внутренних, комбинаторных резервов. В художественном отношении от описаний животных в древнейший период больше ждать нечего.

В древнерусской литературе XI–XIУ вв. гораздо чаще, чем особое описание животных, встречалось включение животных в пейзаж или ландшафт. Однако только в виде слабой тенденции, потому что ни пейзажей, ни прочих художественных картин с участием диких животных древнейшие памятники не развертывали. Они чаще всего связывали одного животного с какой-нибудь одной, скупо упоминаемой деталью природы. Характерно, например, что в "Физиологе" природа, окружающая животное, всегда представлена одинокой глухой деталью. Обычно это – древо, реже – гора или река, иногда – пустыня или небо. Но без малейшей картинности.

Еще один способ анималистического изображения состоит в сцеплении, казалось бы, разрозненных упоминаний об отдельных животных в единое смысловое целое. Образ животного мира может пронизывать все произведение. Но таковой отсутствовал в подавляющем большинстве памятников на анималистические темы. Так, совокупность всех рассказов "Физиолога" не объединяла животных в цельный мир. Они не имели художественного отношения друг к другу. Разрозненными оставались и детали природы, сопровождавшие животных. К примеру, деревья в рассказах "Физиолога" никак друг с другом не связаны. То это "древа живаньска" (203), то это дуб в Индии (340), то древо у Ефрата (351), то дуб близ рая (366) и т.д. Изолированы друг от друга животные и в "Александрии", в "Космографии" Козьмы Индикоплова и пр.

Наконец, не часто, но иногда все-таки использовался в памятниках и иной способ анималистического описания. Обозначались некие сборища животных, даже перечислялись эти животные. Но опять- очень лаконично и без явственного художественного результата. Так, в рассказах

того же "Физиолога" животные минимально связаны друг с другом, обычно лишь попарно. В одном рассказе действуют лиса и птицы, в другом - кит и рыбы, в третьем - ибис и рыбы, в четвертом - выдра и крокодил, в следующем далее - ихневмон и змей, затем - олень и змей. или - голубь и змей, или - слон и змей и т.п. Действительные скопища животных упоминаются в рассказах очень редко и невнятно. Однажды - пантера и змеи, в другой раз - горгона и звери.

В "Физиологе" наблюдается лишь одно исключение. Это сказание о том, как слетаются на брань враждующие стаи птиц. С одной стороны, стаи "водных птиць и житоядець" - аисты, гуси, утки, журавли, неясыти. С другой стороны, стаи "плотоядець птиць" - враны, вороны, галки и др. (ХУ). Одно из мест данного повествования, пожалуй, создает образ массовой суеты сражающегося птичьего войска: "Да есть слышати до небеси голву... и отпадѣнию пѣрию бес числа" (ХУ-ХУI). Две складывающиеся детали - голошение птиц и множество у них вырванных перьев - ассоциируются с представлением о возбужденной птичьей драке. Две другие взаимодополняющие детали - крик до неба и устилание земли перьями - обозначают масштабное пространство от земли до неба, охваченное птичьим сражением. Образ этот явно гиперболизированный. Но он не относится к древнерусской литературе XI-XII вв., потому что входит в довольно позднее сказание, присоединенное в списке ХУI в. к концу старого текста "Физиолога".

Правда, в группе древнейших произведений - в "Шестодневах", "Палеях", "Хрониках",- бывало, и по-настоящему обильно перечислялись животные. В основном в рассказах о пятом дне творения мира. Но и здесь изобразительные достижения были слабы. Памятники лишь поясняли библейскую идею о внезапной заполненности всего мира животными. Ср. "Бытие",гл. I: "И наполните воды, яже въ морѣхъ, и птицы да умножатся на земли" (I.2). "Шестоднев" Иоанна Экзарха: "И плъни бѣаху льси

брѣзи; нирааху сквозѣ глубины; такожде и морские удоли, и великые и малые пучины въсѣчьскыихъ и различныхъ рыбъ плъны бѣаху", "не бы же праздна ни тина, ни калъ", "овы по ширинѣ плавающе, а другые - по краю, а другые - по глубинѣ, а другые - подъ камениемъ" (162.2-162 об.1, 164,2, 165.1. То'же в "Толковой палее", 20 об.2, 21.1 и сл.). Подобные описания сборищ животных трудно признать разнообразными.

Таков традиционный литературно-анималистический фон, на котором можно оценить оригинальность "Слова о полку Игореве".

I. Воображение "аборигена" ("Слово о полку Игореве")

Слово о полку Игореве", разумеется, кое в чем смыкается с традиционным фоном. Так, когда автор "Слова" упоминает то или иное реальное животное, то, как это было принято в его время, он не дает развернутых описаний. Кроме того, в каждом отдельном случае он довольствуется одной-единственной деталью из мира природы. Например, автор связывает орла с облаками - и все ("растѣкашется... подъ облакы" - 43). Сокола - с ветром ("на вѣтрехъ ширяяся" - 52). Притом в "Слове", как и в других памятниках, нет жестной привязки этих конкретных деталей к определенным животным. В других местах "Слова" с облаками связываются не только орел, но и соловей ("летая... подъ облакы" - 44), и сокол ("полетѣ... подъ мьглами" - 55). Также и с ветром связываются не только сокол, но и чернядь ("стрежаше... на ветрѣхъ" - 55). С небесной высотой связываются опять-таки не только орлы, но и соколы ("высоко плаваеши" - 52; "высоко птиць възбиваетъ" - 51). Общее здесь то, что птицы мыслились летящими в небесном верху. Это была стойкая ассоциация автора "Слова".

Но и она усвоена из древнейшей литературы, где выражалась повсеместно. Так, орел связывался с облаками (в хронографической "Алек-

сандрии": "... възлѣте на облакы"; в другом списке - "под облакы" - 34). И с небесами ассоциировался орел ("Сказание Агапия о рае": "... идущь съ небесе" - 467.I; "Житие Макария Римского": "Летаи... под небесем" - 53). И с воздухом ассоциировался орел, летя по воздуху (Поучение Кирилла Философа, 53)или паря по воздуху ("Моление Даниила Заточника", 394). И с высотой связывался орел, возлетая на высоту ("Физиолог", УI; "Слово о прилюблении убогих" Иоанна Златоуста, 321.2) или выспрь возлетая ("Слово похвальное Кириллу и Мефодию", 200.I). Птицы связывались с небом, летая по тверди небесной ("Библия", I.2, "Бытие", гл. I) или паря по тверди нéбесной ("Шестоднев" Иоанна Экзарха, I60.2, I6I об.2, I62.I). С воздухом связывались вообще птицы, плавающие сквозь воздух и парящие по воздуху ("Шестоднев" Иоанна Экзáрха, I75 об.I-2), парящие по аеру ("Палея толковая", 20 об.2) и летящие по аеру ("Повесть об Акире Премудром", 254). С высотой ассоциировались птицы, приходящие сверху ("Синайский патерик", 60), высоко парящие ("Шестоднев" Иоанна Экзарха, 236.I), с высоты прилетающие ("Слово о трех мнисех", 6I).

Во множестве памятников, как правило, только одна реальная деталь использовалась при упоминаниях птиц, и обозначала она их принадлежность верху, небу. Образов тут не было. Здесь работало не воображение авторов, а знание общепринятой классификации животных - по местам их обитания. Отсюда исходили и библейские формулы - "птицы небесные", "звери земные", а "рыбы морские". На эту тему специально рассуждало "Слово пятое" в "Шестодневе" Иоанна Экзарха. Соответствующие эпитеты и детали были сравнительно однообразны во всех литературных памятниках. К ним относится, кстати, и деталь в выражении "растѣкашется... вълкомъ по земли" из "Слова о полку Игореве" (43), - ведь волк, согласно классификации, зверь "земный".

Автор "Слова" упоминал, правда, и не летящих в небе, но, как

можно догадываться, лишь попархивающих птиц. Однако тоже в связи только с одной деталью из мира природы - с деревьями. Соловей скачет "по древу", а птицы - "по дубию" (44, 46). Ассоциация "птицы - древо" - тоже распространеннейшая в литературе, начиная с "Библии". Птицы приходят на древо ("Библия", 8.I. "Евангелие от Матфея". Гл. 13), сидят на деревьях ("Сказание Агапия о рае", 468.I; "Слово о трех мнисех", 62; "Беседа трех святителей", 140; "Физиолог", УШ; "Житие Андрея Юродивого", 141), гнездятся на древе ("Житие Василия Нового", 372) и т.д. Связь птиц с дубами также повторялась в литературе. Птицы поют в дубраве ("Александрия" хронографическая, 122); вселяются на дубу ("Физиолог", 340-341); вьют гнездо на дубах ("Сказание об Индийском царстве", 466). В "Слове о полку Игореве" каждое отдельное упоминание одного животного в связи с одной же деталью природы питалось привычными ассоциациями того времени.

Но совсем не традиционным было то, что эти упоминания животных сцеплялись в "Слове" в единый сквозной образ. Подобных упоминаний в тексте "Слова" рассеяно необычайно много, притом они повсеместны и вкраплены близко друг к другу. Так что все предрасполагает к их смысловому сцеплению.

Упоминания о каждом животном, как правило, повторяются в "Слове" и обычно обозначают один и тот же его вид. Разумеется, не в биологическом смысле, а в художественном. Об однородности анималистического персонажа свидетельствуют повторяющиеся эпитеты и сходные указания действий. Если в "Слове" говорится, например, о волке или волках, то они серые (43, 46, 55) и бегущие, скачущие, рыскающие (43, 46, 47, 53, 54, 55). Различий у них нет. Соловей или соловьи - поют, издают щёкот (44, 46, 56). Сокол или соколы - прекрасно и целеустремленно летают, догоняют и бьют птиц (44, 49, 50, 51, 52, 55, 56). Галки - "говорят" или молчат (46, 48, 56). Вороны - "грают" или не

"грают" (48, 50, 56). Каждый род животных составляет однородную массу в "Слове".

Эти массы также связаны, если судить по их прямым перечислениям в тексте "Слова". Соколы и лебеди (44); соколы и галки (44); птицы и звери (46); птицы, волки, орлы, лисицы (46); соловьи и галки (46); враны и галки (48); чайки и черняди (55); сороки, враны, галки, дятлы, соловьи (56). Как видим, особенно активную связующую роль играют галки, сцепляя всех птиц в единый мир.

В различных сравнениях "Слова" активную сцепляющую роль уже играют волки. Герой действует волком и орлом (43); лютым зверем и волком (53); горностаем, гоголем, волком, соколом (55). В результате почти все звери и птицы, упоминаемые "Словом", художественно объединяются в цельный животный мир.

В дополнение к этому детали природы и ландшафта, сопровождающие животных, тоже сцепляются в образ. Земля в "Слове" - это одна и та же почва, которая зловеще гудит, дрожит, стучит (47, 52, 55). Это низшая плоскость действий. По земле "растекаются", по земле сеют, земля - под копытами коней, к ней клонятся, на нее свергаются (43, 48, 49, 51, 55). Облака в "Слове" - это один и тот же род легких высоких облаков, под которыми парят, летают, веют (43, 44, 54, 55), а иногда их и пронизывают (52). Низкие облака, или туманы в "Слове" - это уже "мъгла" или "мьглы" (46, 53, 55).

Поля в "Слове" - всегда просторные. Для героев это "великая поля", для отдельного героя это "чистое поле" (46). Через поля рыщут и несутся (44). В поле свободно скачут и далеко заходят (46, 47). По полю беспрепятственно едут и рассыпаются (46). Поля покрывают, их пытаются частично перегородить или измерить (46, 47, 55). Поле с иным эпитетом ("Поле Половецкое", "поле незнаемо", "поле безводно") - это всегда место сражения (44, 48, 52, 55, 56).

"Синее море" в "Слове" - это постоянно некий пограничный предел, отнюдь не идиллический, а больше тревожный и тревожащий (47, 49, 50, 51, 54, 55). Синий цвет, кстати говоря, вообще тревожен в "Слове" - синии молнии перед битвой (47), синее вино печали в мутном сне Святослава (50), синяя мгла Всеслава-оборотня (53), синий Дон как объект страстного желания мутящего ум Игорю (44), на синем море плещет крылами Обида (49), на синем море "лелѣютъ месть" Руси (51), на синем море ветер неотступно, настойчиво, беспокойно качает-лелеет корабли (54).

Из всех ландшафтных деталей в "Слове" лишь "древо" менее однородно, чем остальные. То это "зелено древо", с тенью (55). То "древо" "листвие срони" и клонится, как бы увядая (49, 52, 55). А то это "мыслено древо" (44). Временами же вообще не ясно, какое "древо" имеется в виду (43, 46). Однако, хотя контуры у такого "древа" расплываются, оно все-таки кажется одним и тем же. Потому что, во-первых, слово "древо" всегда употребляется в единственном числе. Потому что, во-вторых, оно при всех обстоятельствах является предметом активной деятельности, местом энергичных поступков, - по нему "растекаются" и скачут, с него "кличут", под ним одевают и пр. (43, 44, 55). И потому что, в-третьих, "древо" каждый раз мыслится находящимся на дальнем рубеже от Руси[2].

Обобщенные ландшафтные детали в "Слове" обильно и в разных вариациях связываются друг с другом. Особенно часто - земля, море, облака, древо, трава. В "Слове" присутствует цельный ландшафтный мир. Благодаря постоянной связи животных и ландшафта "Слово" создает образ единого мира природы. Это необычно сложный именно художественный

---

[2] Об этом см.: Демин А.С. Куда растекался мыслию Боян? // "Слово о полку Игореве": Комплексные исследования. М., 1988. С. 58.

образ. Он не отражает четко отграниченную географическую и биологическую реальность. Об этом написана книга[3]. Этот образ обозначает реальную природу широко, в известной мере неопределенно и очень выборочно. Недаром "Слово" пестрит географическими названиями от гор Угорских и Дуная до Волги и от Тмутаракани до Новгорода и Литвы. Правда, в этом животно-ландшафтном образе, пожалуй, все же больше деталей и названий южных, степных.

Однако дело не в географической окраске образа, а в его эстетическом своеобразии. Природа в "Слове" густо заполнена животными. Например, волки в "Слове" связываются помимо земли еще и с полем ("влъци въ полѣ" - 46), и с яругами ("влъци... по яругамъ" - 46), и с лугом ("влъкомъ... къ лугу" - 55). Каждая часть ландшафта в "Слове" представляется насыщенной живностью. Так, с полем связываются соколы, орлы, соловьи, галки, кречеты, враны, волки, лисицы, туры. К каждой детали ландшафта, даже мелкой, кто-то приставлен. В частности, горностай - "къ тростию", а чайки - "на струяхъ" (55).

Животный мир "Слова" свидетельствует о широте и насыщенности предметного воображения автора. То же демонстрируют не только животные, но и людские образы "Слова", "большие" и "малые". Так, Игорь предстает в очень полном предметном окружении, непосредственно к нему относящемся в тексте, - воинском (конь - 44, 46, 55; стремя - 46; седло - 50; шлем - 44; копье - 44, 47; щиты - 46; мечи - 51; стяги - 44, 47, 49; и пр.); ландшафтном (поле - 44, 55; древо с листвой и тенью - 49, 52, 55; трава - 49, 55; ковыль - 54; луг - 55; река - 44, 46, 50, 52, 55, 56; берега - 49, 55, 56; волны и струи - 55; море - 49, 55); суточном (солнце - 44, 46, 52, 55, 56; полдень - 49; тьма - 44, 46; ночь - 46; полночь - 55; зори - 47, 48, 55, 56; раннее утро - 46, 55); фенологическом (ветры - 47, 54, 55; мгла - 47, 55; роса - 55). Богато связан с предметным миром Боян, русское

[3] Сумаруков Г.В. Кто есть кто в "Слове о полку Игореве". М., 1983.

войско (в том числе куряне), русские князья (включая сон Святослава и плач Ярославны), половцы и т.д. По широте воображения природы автору "Слова о полку Игореве" не подыскивается близких аналогий ни среди древнерусских писателей того времени, ни в фольклоре.

Широкое воображение автора "Слова" имело одну ограничительную особенность. Мир природы в "Слове" более всего переполнен птицами. Птицы связаны не только традиционно с небом и деревьями, но и со всеми основными частями ландшафта. С полем: "птиць... въ полѣ Половецкомъ" (56; здесь имеются в виду и страна, и собственно поле), "соколы... чресъ поля широкая" (44), "врани на болони" - на лугу. Связаны и с водой: "гоголѣмъ на воду" (55), "соколъ... къ морю" (49), "дятлове... къ рѣцѣ" (56), "галици... къ Дону Великому" (44), "зегзицею по Дунаеви" (54). Птицы мельтешат или слышатся всюду. Тут и "лебеди роспущени", и "щекоть славии", и "говоръ галичь" (46), и "часто врани граяхуть" (48, 50), и "куръ Тмутороканя" (54; если имелись в виду петухи), и "гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ" (55), и "сорокы не троскоташа" (56), и многие другие упоминания птиц, а также птицеподобных существ, например, Обиды с "лебедиными крылы" (49). Даже у ветра упоминаются "крыльца" (54). Заполненность мира существами в "Слове" напоминает о "Шестодневе" Иоанна Экзарха. Но со странным различием: "Шестоднев" подчеркивает в основном рыбью заполненность мира, а "Слово" - птичью.

Рыбье преобладание объяснимо богословскими интересами автора "Шестоднева", а птичье преобладание - особой чертой воображения автора" Слова". Давно уже замечено: "Автор, без сомнения, был "птицегараздом" - птицеведом. Из всех животных он лучше всего знал птиц, их повадки"[4]. "Заптиченность" "Слова" сочетается с полным отсутствием упоминаний о рыбах. Глубины рек и моря пусты и словно безрыбны в

[4] Шарлемань Н.В. Природа в "Слове о полку Игореве" // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.;Л., 1950. С. 217.

"Слове". В лучшем случае упоминается речное дно (50, 55). Отсутствуют также упоминания о насекомых. А гад (гад ли, а не птица?) назван лишь однажды ("полозие" - 56). Автор "Слова" заполняет природу, в основном степную, как раз тем, что наиболее заметно человеку, в том числе воину, едущему по степи, - прежде всего птицами, а затем и зверями. Автор "Слова" относится к природе не как богослов, хозяйственный деятель, охотник или военный тактик, а преимущественно как "абориген". В понятие "абориген" не вкладывается какой-либо оттенок уничижения. Я не настаиваю также на том, что автор "Слова" обязательно был уроженцем степи или иной характерной местности. В понятие "абориген" вкладывается психологический смысл. Под"аборигеном" подразумевается тонкий и памятливый созерцатель природы. Он основывается на своих личных впечатлениях. Он создает как бы местную картину природы, а не рисует природу вообще. Но он дает обобщенную картину, а не частную зарисовку. В таком, психологическом смысле острая "аборигенность" была присуща воображению автора "Слова".

"Аборигенность" воображения автора дает знать о себе небывалой многочисленностью реальных цветовых и световых обозначений природы в "Слове". Серые волки (43, 46, 47, 55), сизый орел (43), светлое солнце (44, 55, 56), синий Дон (44), черный ворон, кровавые зори, черные тучи, синие молнии, мутные реки (47), черная земля (48), синее море (49, 50, 51, 54), багряные столпы (50), серебряные струи, синяя мгла (53), белый гоголь, зеленая трава, серебряные берега, зеленое дерево, темный берег (55). Эти цветообозначения сохраняли реальное содержание, а не стерлись в условные топосы. Оттого они образовывали гармоничные цветовые сочетания во фразах. Серое с серым: "сѣрымъ вълкомъ... шизымъ орломъ" (43). Черное с серым: "чръныи воронъ... сѣрымъ влъкомъ" (47). Красное, черное, синее: "кровавыя зори... чръныя тучя... синии млънии" (47). Зеленое и серебряное: "зе-

лѣну траву... сребреныхъ брезѣхъ... подъ сѣнию зелену древу" (55). В "Слове" обильны еще цветовые обозначения лишь воинских предметов: червленые щиты (46, 47, 53), "чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие" (47), "златымъ шеломомъ посвѣчивая" (47), золоченые шлемы (52), золоченые стрелы (56). Отсюда и сочетание природы и войны, т.е. памяти "аборигена" и воина, – кровавая трава (53), кровавый берег (54).

Не заимствовал ли откуда-нибудь автор "Слова" подобную, редкую для Древней Руси, манеру изложения? Из всех известных нам памятников той эпохи богатой цветностью повествования отличается "Хроника" Константина Манассии, особенно в начальных главках о сотворении мира и животных. Но "Хроника" Манассии переведена на болгарский язык в середине XIУ в., а на русский – в начале ХУI в. Она не могла непосредственно повлиять на "Слово о полку Игореве". При всем том между "Хроникой" и "Словом" наблюдается целый ряд перекличек в темах и мотивах. Одна из них уже была отмечена: рассуждения Манассии о своем стиле, его отличии от Гомера (I27), и высказывания автора "Слова" о своем стиле и его отличии от Бояна (54)[5].

Некоторые другие переклички мотивов и литературных приемов укажем по ходу "Хроники". В общем виде сходны высказывания о неизбежности смерти даже самого крупного человека ("Хроника", I24 и "Слово", 54). Перекликаются многочисленные сны героев с последующими истолкованиями в "Хронике" и "Сон Святослава" с боярским истолкованием в "Слове". Сходны привычка ссылаться на притчи и чужие изречения в "Хронике" и та же склонность у автора в "Слове".

---

[5] См.: Jakobson R. L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor' épopée russe du douzième siècle. New York, 1948. P. 292–293; Орлов А.С. Слово о полку Игореве. М.;Л., 1938. С. 42–44; Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 37.

В отдельных случаях при общем сходстве мотивов обнаруживаются и лексические параллели между "Хроникой" и "Словом". Например, потоп: "Львъ бѣше въ водахъ затворенъ" ("Хроника", 113); персонаж утонул: "... затвори днѣ" ("Слово", 55). Воспитание воинов: "въ оружих въспитана", "копиемъ потрясати научен и лук тяглити..." ("Хроника", 130, 207); "подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени... луци у них напряжени" ("Слово", 46). Знамения: "... влък искача нѣкуду ис хлъма... Орел же прилѣтау, птищь великокрилен... Лисица же нѣкаа лукава сим съпротивлѣущи ся..." ("Хроника", 133); "пасеть птиць..., влъци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ..: зовуть, лисици брешуть..." ("Слово", 46). Содержание чужого сочинения: "... съписаниа рекошу, яко... прѣхраберъ явив ся, егда... копиемъ прободъ съпротивнааго и уязвивъ... того на земя низвръже и от сего име... красное звание" ("Хроника", 138); "пѣснь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю..., красному Романови Святъславличю" ("Слово", 44). Смерть: "извръже душу" ("Хроника", 146); "изрони душу" ("Слово", 53).

И еще встречаются относительные фразеологические соответствия вне сходства мотивов. "Птища же... крилѣ свои распростерша и творяща сѣнию..." ("Хроника", 156); "дружину... птиць крилы приоде" ("Слово", 53). "И скочи... акы звѣрь" ("Хроника", 222); "скочи... лютымъ звѣремъ" ("Слово", 53). Наконец, в обоих памятниках читаются сходные слова, не так уж часто употребляемые в литературе: "обѣси ся", "съмысленъ", "струя" (речные), "насады", "суд" (смерть) и пр.

"Хроника" была составлена Манассией не позднее 1187 г. (как и "Слово"?). Этим хронологическим совпадением, вероятно, подсказывается разгадка эпизодического сходства "Слова о полку Игореве" с болгарским переводом "Хроники" Манассии. Оба произведения, по всей вероятности, использовали общий фонд литературных средств византийской литературы, в том числе и "цветность" в изображении природы. А

болгарский перевод и "Слово" имели общую фразеологическую основу в староболгарской литературе.

Но и тут автор "Слова" удержал своеобразие. Большинство носителей цвета у него не те, что у Манассии. Например, у Манассии нет черной земли и черных туч, нет белого гоголя или иной белой птицы, нет зеленой травы и зеленого древа и пр. У автора "Слова" как раз больше окрашена природа, а у Манассии - быт. Автор "Слова" называет цвета, которые отсутствуют у Манассии - "сѣрыи" и "шизыи" (в применении к волкам и орлу). Кроме того, он гораздо чаще употребляет обозначения цветов, редких или редкостных у Манассии - "чръныи", "синии", "сребрены" и "зелены". Не "аборигенна" ли такая сдержанная гамма цветов у автора "Слова" и их большая примененность к природе, сравнительно с пряной яркостью, но в основном быта в "Хронике" Манассии?

"Аборигенностью" воображения автора "Слова" объяснимо еще и то, что он "никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателей"[6]. Таким образом, в "Слове о полку Игореве" своеобразный талант автора проявляется через своеобразие состава и сцепленности упоминаний о животных.

Но образ животного мира создается в "Слове" и более традиционным способом, когда автор описывает сборища животных. Вот эпизод: "Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зо-

---

[6] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" // Слово о полку Игореве. Л., 1990. С. 40.

вуть, лисици брешуть на чръленыя щиты" (46). Перечень животных имеет зловещий смысл ("бѣды", "гроза", "на кости") и содержит пространственный оттенок как бы одновременного окружения войска, идущего по полю, стаями различных птиц и зверей, которые кроются поблизости, "по дубию" и "по яругамъ", появляются перед черлеными щитами и готовы броситься "на кости". И этот образ опять нетрадиционен. В фольклоре множество животных не собирается в единое место, а, наоборот, разбегается по своим местам, как например, в древней былине "Вольга". И вот какие их места:

Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темныи леса (537).

Воображение автора "Слова" - более предметное, но явственно "степное".

Правда, в книжности все же изображалось зловещее окружение людей животными, однако его обычно составляли змии, скорпионы, аспиды, ехидны, василиски (ср. "Евангелие от Луки", гл. 10: "Наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию" - 34.1; и ср. соответственно некоторые поучения Иоанна Златоуста, "Пчелу", "Шестоднев" Иоанна Экзарха, апокрифы - "Слово о трех мнисех", "Исход Моисеев", жития Иринии, Андрея Юродивого, Феодора Тирона и т.д.). Автор же "Слова" полностью сменил книжных животных на местных, то есть опять проявил вкус "аборигена".

Итак, при изображении природы автор "Слова" довольно далеко ушел от литературных традиций. В этом ему помогла "аборигенность" его воображения. Эта черта сказалась не только в анималистике. "Аборигенной", конкретизирующей настроенностью автор "Слова", возможно, отличался от своего предшественника Бояна и его песен. Ведь "содержание этих песен, относившихся к самому консервативному жанру скаль-

дической поэзии, скудно и трафаретно, окаменело-схематично и стереотипно"[7]. Во всяком случае, высказывания Бояна, цитируемые в "Слове", довольно отвлеченны, как например: "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути" (54). Можно думать, что автор "Слова" был неудовлетворен "старыми словесы" Бояна, а именно их абстрактностью, и, будучи "аборигеном" по настрою, конкретизировал старые афоризмы "по былинам сего времени". Самый ясный случай: автор "Слова" ссылается на отвлеченное высказывание Бояна (и, наверное, еще одного старого певца – Ходыны) "тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы", но конкретизирует афоризм "аборигенным" добавлением: "... Рускои земли безъ Игоря" (56). В другом случае автор "Слова" не цитирует Бояна, но дает его пению общую характеристику, и затем, надо думать, уже от себя лично, как "абориген", раскрывает историко-географическую конкретику: Боян пел песнь "храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми" (44). В третьем случае, автор "Слова" то ли сочиняет в стиле Бояна, то ли советует ему, как надо бы воспевать ("Пѣти было пѣснь Игореви... Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне"), сразу же переходит к конкретным реалиям: "... галици стады бѣжать къ Дону Великому... Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ" (44), – это сказано "не по замышлению Бояню", это слог уже самого автора "Слова", более историчного и более "аборигенного", чем Боян.

Элементы "аборигенного" подхода проникали в древнейшую литературу постоянно. Вспомним "Новгородскую летопись". Усиливаться стал

---

[7] Шарыпкин Д.М. Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 21.

"абориґенный" подход с архитектурно-городских мотивов. Так, если "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона завершало лаконичное описание Киева, то "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" уже начиналась с небывало подробного описания каменной церкви в Боголюбове. В "Слове о полку Игореве" же этот "абориґенный" подход распространился на природу, которая оказалась неожиданно уютней и интимней, чем в предшествующей литературе исторического монументализма[8]. Объяснение, отчего "абориґенное" воображение получило доступ в литературу, и чем дальше, тем больше, по-видимому, надо искать во влиянии социальных факторов на эстетические. "Абориґенность", должно быть, зависела от начавшегося феодального раздробления Руси. Автор "Слова о полку Игореве" был общерусским по воспитанию, но уже "абориґенным" по реальным впечатлениям.

2. Воображение книжника ("Сказание о Мамаевом побоище")

"Сказание о Мамаевом побоище" ясно изложено, легко читаемо и в своем роде энциклопедично своей массой тем и мотивов, в том числе довольно частыми упоминаниями различных животных (имеется в виду текст, наиболее близкий авторскому, – по классификации Л.А.Дмитриева, Основная редакция повести). Правда, здесь нет подробных описаний отдельных животных, но если собрать все мелкие упоминания о них, то

---

[8] Демин А.С. К вопросу о пейзаже в "Слове о полку Игореве" // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 143-147.

видно, что повесть очерчивает два животных мира, очень разных. Один животный мир - героический, связанный с ратными деяниями; другой мир, - так сказать, идиллический, связанный с покоем и отдохновением.

Последуем в порядке развития сюжета за миром, раньше всего появляющимся в "Сказании" и более заметным, - за героическим животным миром. Специфический тип картин возникал, когда автор рассказывал о воинском походе или непосредственно о битве: тогда рисовался мир лютой зверской злобы, с экзотическими животными, бросающимися на людей.

Вот в "Сказании" начало повествования о татарском нашествии: Мамай "аки левъ ревый пыхаа, аки неутолимая ехидна гнѣвом дыша" (26), - автор сравнил Мамая со зверьми. Сочетание сравнений со львом и ехидной, пожалуй, не встречалось в других памятниках и не было подсказано автору какими-либо графическими припоминаниями (например, о каком-нибудь гербе со львом и ехидной). Сочетание сравнений имело "нагнетательный" смысл и обозначало некий небольшой зверский мирок. В зоологической реальности лев и ехидна вовсе не были дружны и не действовали воедино. Так что автор создал "малый" художественный образ, хотя и мимоходом. Автор сопроводил животных однотипными эпитетами: лев - "ревый пыхаа" (гневом), ехидна - "гнѣвом дыша"; представления о свирепости льва и ехидны были традиционны[8а] (ср. в "Шестодневе" Иоанна Экзарха: "... прие къ себѣ естествьное своиство: роди се львъ съ гнѣвомъ" 227.1). Но от сочетания эпитетов возник образ особенно лютого и агрессивного зверского мирка. Аналогичный образ автор почти дословно повторил в конце "Сказания": "... аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна" (48), и даже подчеркнул злобность:

[8а] См.: Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. С. 3, 8-9, 36-37; Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей... С. 5, 29-32.

"... гнѣвашеся, ярясяя зѣло, и еще зло мысля".

Сочетание звериных сравнений, с участием льва, часто встречалось в памятниках, и не так уже важно было, кто действовал вкупе со львом, - все равно создавался "нагнетательный" образ злобного зверского мирка. Так, нередки были упоминания льва и змия - преимущественно в переводной литературе (в библейских "Премудростях Соломона", "Шестодневе" Иоанна Экзарха, житиях и поучениях "Успенского сборника", в "Александрии", "Пчеле", "Параллелях" Иоанна Дамаскина и т.д.). Лев сочетался и с другими зверьми. К примеру, в "Житии Авраамия Смоленского": "И пакы яко лев нападая, яко зверие лютии устрашающе" (80), - мир из льва и иных лютых зверей. Этот образ тоже чаще встречался в произведениях переводных, наподобие "Хроники" Константина Манассии: "Яко левъ зелми рыкаущии, яко пардосъ наскочи лютѣ" (196), - лютый мир из льва и леопарда. Лев мог выступать в большом сонме зверей, как например, в "Галицко-Волынской летописи", в статье под 1201 г. о князе Романе: "Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и левъ; сердит же бысть, яко и рысь; и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ" (236), - здесь сравнения с животными перечислялись не так тесно, как в предыдущих примерах, и соответственно животные наступали более широким фронтом, с большей просторностью.

Показательно, что в последующих редакциях "Сказания о Мамаевом побоище", которые служили и своеобразным истолкованием авторского текста, в данном месте ко льву беспрепятственно добавлялись новые звери и существа, как например, в Киприановской редакции повести (или, по иному называнию, в редакции "Никоновской летописи"): "...яко лев ревый, и яко медведь пыхаа, и аки демон гордяся" (50). Однако образ злобного зверского мира, по существу, оставался тем же самым. В общем, автор "Сказания" действовал внутри богатейшей литературной

традиции, очень устойчивой, но структурно относительно свободной. Ничего принципиально нового он не добавил. Его воображение, если судить по данному примеру, не отличалось резкой оригинальностью, а являлось книжно-традиционным.

В тексте "Сказания" аналогичные примеры больше не встречаются, кроме, пожалуй, одного случая: сказано, что в битве с татарами русские воины "сердца имуща аки львовы, аки лютии влъци на овчии стада прихидоша" (45). Хотя весь эпизод, несомненно, восходит к "Задонщине" и главе 18 из библейской второй "Книги Царств", но процитированное место оригинально. Внешне в нем видится перечень сравнений ("аки... аки"), но на самом деле это какая-то необычная, и, вероятно, случайно получившаяся, нескладная форма - сочетание традиционной метафоры ("сердца львовы") и традиционного же сравнения ("аки влъци"). Но таким способом могло выразиться авторское представление о фантастических животных, - волках со львиными сердцами. Волки были традиционно люты в литературе[9], а уж "сдвоенные" животные мыслились тем более лютыми, что далее вроде бы подтверждалось дополнительным авторским замечанием: "... яко лютии звѣрие растаху и изрываху" (45). И все же намечавшийся любопытный образ так и остался неотчетливым. Недаром он не закрепился в последующих вариантах и редакциях "Сказания". Так, в Печатном варианте Основной редакции было растолковано с разрушающим образ разделением уподоблений: "Им же сердца быша, аки львов, образ имуще сице: волки на овчее наехаша" (122). В Распространенной редакции сложный образ исчез вообще, вместе с волками: "Им же сердца бяху, аки львом, поистинне львови образи имуще" (99). В Забелинском списке первоначальный образ перевернулся: "... образом ль́вовым, а сердцем бяше, аки серые звери" (197), то есть волки со львиными

[9] См.: Дурново Н.Н. К истории сказаний... С. 3.; Орлов А.С. Об особенностях формы... С. 32-33.

сердцами превратились в гораздо менее благородных львов с сердцами всего лишь волчьими. На этом фоне, вглядываясь в текст Основной редакции, мы вправе говорить не более чем о компиляции тропов для украшения повествования и соответственно о книжном характере памяти и воображаения автора "Сказания".

Зверский мир не был у автора только агрессивным. В эпизодах, предшествовавших сражению, на передний план выступали иные черты животных. Вот картина выезда русского войска в поход - в форме развернутого сравнения с миром птиц: "Уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы, и възлѣтѣша под синиа небеса, и възгремѣша своими златыми колоколы, и хотять ударитися на многыа стада лебедины и гусины" (33). Судя по деталям, соколы не злобны, а энергичны, элегантны, парадны. Однако весь этот текст был заимствован автором из "Задонщины", почти дословно (ср. 537-538, 542-543), скорее всего, из ее Синодального извода (552)[10]. Здесь воображение автора "Сказания" целиком шло за "Задонщиной".

Далее. Накануне битвы животный мир, раньше агрессивный или парадный, предстает растревоженным, даже мятущимся: "... мнози влъци... выюще грозно..., галици же своею рѣчию говорять, орли же мнози... слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють" (38). Однако и данный текст оказывается заимствованным из текста "Задонщины" (ср. 536 и 537; 542 и 544; 549; 552 и 555)[11]. Авторское до-

---

[10] О соотношении этого места "Сказания" с "Задонщиной" см.: Л.А.Дмитриев. Вставки из "Задонщины" в "Сказании о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М.;Л., 1966. С. 396-397.

[11] О соотношении с "Задонщиной" см.: Дмитриев Л.А. Вставки... С. 407-409.

бавление – о многих воющих зверях – лишь формально усиливало картину, будучи абстрактным обобщением, сделанным на основе текста источника же. И тут воображение автора "Сказания" питалось книжностью.

Затем в "Сказании" развертывается эпизод о предзнаменованиях накануне битвы, за ночь до нее. Животный мир, окружавший татарское войско, был четко распределен автором, так сказать, по отдельным секторам: "Съзади же плъку татарскаго волъци выють грозно велми; по дѣсной же странѣ плъку татарскаго ворони кличюще, и бысть трепетъ птичей великъ велми; а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ – гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе" (40). Детали, все до одной, были заимствованы из "Задонщины"[12], то есть воображение автора "Сказания" продолжало питаться книжным источником. Правда, детали были распределены автором по-своему – обозначили некие отряды животных, которые повторяли размещение людей по полкам. По сравнению с "Задонщиной" все эти мятущиеся и "недисциплинированные" животные не добавили какого-то нового настроения или хотя бы особо сгущенной грозности, но под пером автора "Сказания" были подчинены единой воинской "диспозиции". Здесь проявилось не художественное воображение автора, а его военно-деловое мышление.

Если просмотреть все "Сказание", то можно убедиться в частоте изложения таких "диспозиций", только не звериных, а людских. Так например, до эпизода с предзнаменованиями автор рассказывал с "диспозиционным" же уклоном о том, как великий князь уряжал полки, кого "себѣ же князь великий взя в полкъ", кого "правую руку уряди себѣ", кого "лѣвую руку себѣ сътвори", кого – "передовой же плъкъ" и пр. (34). После эпизода с предзнаменованиями автор снова размечал, кто

---

[12] Там же. С. 410–411.

"передовой плъкъ ведеть", кто "с правую руку плъка ведеть", кто "лѣвую же руку плъкъ ведеть" (43). Расположение войск и княжеских свит могло описываться в "Сказании" и в других выражениях, но с тем же деловитым и вполне традиционным распределением по секторам. Так что при описании мятущихся животных, процитированном выше, книжность автора ощущалась вдвойне, и только.

В общем, животный мир, несмотря на его разнообразие и даже яркость в "Сказании", рисовался по образцу "Задонщины" и с дополнительным использованием некоторых традиционных литературных средств, но в итоге без создания резко оригинальных картин. Автор являлся по-преимуществу книжником-компилятором.

И все же по мере чтения "Сказания" накапливаются впечатления, в какой-то степени противоречащие сделанному выводу, потому что в "Сказании" заметен второй животный мир, не сразу бросающийся в глаза и совсем другой, - мир идиллический, ласкающий, как бы независимый от битв. Это, вернее сказать, мир природы, а в него на правах детали входили кони, только кони и никакие иные животные. Притом в общую картину кони вписывались не как самостоятельные существа, а именно как боевые кони - вместе со всадниками, то есть эта деталь была "животной" наполовину. Но она настолько непривычно подаётся в "Сказании", что на нее стоит обратить внимание.

Вот, например, сцена выезда в поход. Великому князю сопутствует прекрасное утро: "Солнце ему на востоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдаеть" (33). Текст был дословно заимствован, конечно, из "Задонщины": "Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает" (537. Ср. в других списках - 543, 549, 553[13]). Сцена являлась символичной - и в "Задонщине", и в "Сказании": хорошая погода - предзнаменование побе-

---

13 См.: Дмитриев Л.А. Вставки... С. 396-397.

ды. Однако в том же отрывке автор "Сказания", настроенный несколько иначе, больше повернулся к реальности и повторил описание еще раз с дополнением предметных деталей: "Напреди же ему солнце добрѣ сияеть, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣеть". Войско комфортно выезжало, словно и не на битву, а на отдохновение: солнце исполнено доброты ("добрѣ сиаеть"), "вѣтрецъ" необычайно ласков, не дует даже, а веет, и не в лицо войску, а в спину.

Эту картину, как бы заразившись ею, продолжили последующие варианты и редакции текста "Сказания", приводя все новые детали. Так, в Печатном варианте Основной редакции была усилена ласковость солнца, которое не только сияет, но "и добре греет" (111). В Киприановской редакции (то есть редакции "Никоновской летописи") была усилена ласковость ветра: "А ззади по нем кроткий и тихий ветр веаше и дыхаше" (57).

Картина идеально мягкого и приветливого утра не встречалась ни в "Задонщине", ни в "Слове о полку Игореве", ни в летописях, ни в каких-либо иных древнерусских памятниках, литературных и фольклорных. Во всяком случае она не принадлежала к какой-нибудь известной традиции.

Однако ни одна деталь этой картины не была найдена в реальной жизни именно самим автором "Сказания", каждую из них он взял из литературы или усилил, следуя обычной манере украшенного повествования. Правда, точно не известно, откуда заимствован "кроткый вѣтрецъ", - возможно из обыденной речи. В общем же, ювелирная литературная инкрустация, созданная автором "Сказания", свидетельствовала о том, что авторское воображение носило книжный характер, питалось прочитанными (или услышанными) описаниями, не более.

В составе данного эпизода о выезде при великолепной погоде упоминались кони: великий князь "въсыде на избранный свой конь, и вси

князи и воеводы всҍдоша на коня своя". Тут "Сказание" ощутимо отличалось от "Задонщины". Упоминания коней в "Задонщине", как и во многих памятниках, относились к героической воинской сюжетике: кони представали оседланными, со златыми стременами, "поскакивали" парадно. В "Сказании" же стало иначе, - кони лишились этого, фактически всего. Приведенное упоминание коней - первое в "Сказании", и конь назван "избранным", то есть отменным (тот же эпитет в Распространенной редакции и в Забелинском списке. В Печатном варианте Основной редакции - конь "любимый", В Летописной редакции - конь "любезный", в Киприановской редакции - без эпитета). Отменная и приятная погода, отменны и приятны кони: сменился контекст, - кони отделились от героики и вставились в картину мирной природы. Кстати, "синяя небеса", упомянутые в этом же отрывке, тоже переместились из мира героического, характерного для "Задонщины", в мир идиллический, в картину идеального утра.

Мы наблюдаем любопытный структурный процесс: внутри традиционной героики автор стал изображать идиллическую природу, к этой картине начали стягиваться и другие детали, в том числе и конь (со всадником). Проявления подобного процесса мы находим в "Сказании" сплошь и рядом. Например, далее по тексту, в эпизоде о смотре русского войска великий князь видит: знамена "аки нҍкии свҍтилници солнечнии свҍтящеся въ врҍмя вҍдра... простирающеся, аки облаци, тихо трепещущи, ... доспҍхы же русскых сыновъ, аки вода въ вся вҍтры колыбашеся, шоломы же на главах ихъ, аки заря утреняя въ врҍмя ведра свҍтящися..." (39). Нарисованы две картины: одна, прямая - построенного войска; другая, косвенная, через сравнения - картина погожего утра: ведро, утренняя заря, встающее солнце, легкие облака, тихо трепещущий ветерок и слегка колеблющиеся воды. Картина утра была не символичной, а тоже реальной: автор указал даже реальное время -

смотр проходил не быстро, "до шестаго чяса" дня (38), то есть до полудня[14]. Но утро изображалось настолько идеально прекрасным, бодрящим, сияющим и свежим, что оно даже противоречило обстановке горестного и напряженного смотра, когда будущих павших, как говорилось тут же в тексте, "умилено бо видѣти и жалостно зрѣти" (39). Правда, противоречия особенно не чувствовалось, потому что оптимистическое мироощущение автора преобладало во всем.

Некоторые детали для картины идеального утра, по-видимому, были взяты автором из литературной традиции: вспомним о сопоставлениях воинских доспехов и солнечного света. Так например, в "Галицко-Волынской летописи", в повести под 1251 г. содержалось сходное описание войска: "Щитѣ же ихъ, яко заря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящю" (318)[15]. Ср. в "Хронике" Константина Манассии: "Облиставаху копиа, сиааху же шлѣмовѣ, и щитове зорѣаху ся, и въздухъ облиставаше ся сулицами" (203). В летописи и "Хронике" мотив света скользнул, как солнечный зайчик, и не был продолжен. Это уже автор "Сказания о Мамаевом побоище" собрал чужие детали, не добавив ни одной своей, но развил их в образ утра. Компиляторство и тут сослужило хорошую изобразительную службу, но тем не менее еще раз свидетельствовало о книжности воображения автора "Сказания".

---

[14] См.: Кирпичников А.Н. Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 292; Дмитриев Л.А., Лихачева О.П. Историко-литературный комментарий // Там же. С. 390.

[15] Связь замечена: Орлов А.С. Об особенностях формы... С. 15. Ср. также: Робинсон А.Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 29-30.

Тут же был упомянут и конь: "Князь же великий, видѣвъ плъци свои достойно уряжены, и сшед с коня своего..." (39). Княжеский конь, разумеется, относился к воинской картине, но одновременно- благодаря нейтральности упоминания и отсутствию явных воинских признаков - вошел и в картину утра, находясь на периферии этого образа в качестве дополнительной "тихой" детали.

И дальше в "Сказании" подобное явление повторилось, например, в последующем эпизоде - ночном испытании примет князем. Мы уже знакомились с этим эпизодом на предмет выявления героического животного мира - в стане татар. В стане же русских - атмосфера противоположная. Ночь изображена исключительно мягкой: "Бысть же въ ту нощь теплота велика, и тихо велми, и мраци росниии явишася" (40). Покойность этой ночи,пожалуй, усилена в "Сказании". Причем, продолжая тему, автор процитировал высказывание: "Нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена", - то есть автор,помимо символического смысла, намекнул и на реальную деталь, усилившую уютность ночи, теплой, тихой, росистой, светлой.

Конь снова был упомянут, хотя и не сразу: когда "заря померкла, нощи глубоцѣ сущи", один из персонажей, выехав в поле, "сниде с коня". Конь не связывался с приметами зловещими или жалостливыми, которые исходили издалека, на пределе зрения и слуха наблюдавших; конь, скорее, входил в картину ночи, идеально мягкой и обволакивающей, как дополнительная мирная деталь.

Так, повторялось и далее, например, в рассказе о выезде к месту битвы, когда русские воины принялись "рано утре... подвизатися на кони своя" (40) и "великому же князю пресѣдшу на избранный конь" (41). Кони (со всадниками) словно растворились в тумане, что и отметил автор: "Въсходящу солнцу, мгляну утру сущу... Пълки же еще не видятся, зане же утро мгляно" (41), - картина опять смягченная, изо-

бражено утро, продолжавшее уютность ночи; во всяком случае, "мглямость" не толковалась отрицательно (в противоположность пространной летописной повести о Куликовской битве, где туман, распространившийся в то утро, выглядел зловещим: "Бысть тма велика по всей земли: мьглане бо было бѣаше того от утра..." - 20). Кони в "Сказании", таким образом, опять связывались с покоем, умиротворенностью природы, а тяжкие предзнаменования, о которых дальше говорилось ("рѣки же выступаху из мѣстъ своихъ" и пр.), коней пока не касались.

Думается, что у автора "Сказания" начала формироваться устойчивая ассоциация коня с хорошей погодой и мирной природой. Эта связь проявилась в таких эпизодах, где ее, казалось бы, не приходилось ожидать, - в повествовании о самой битве: "На том бо полѣ ... выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силнии млъниа... люди, аки дрѣва дубравнаа, клонятся на землю... небо развръсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря..., дръжашеся низко... и опустишася над плъком..." (43-44), - все это символы ожесточенности, символы битвы, но параллельно и как бы реалии, составляющие картину природы, теперь уже грозной, потрясенной и взбаламученной. Кони, упоминавшиеся здесь же ("и удари всякъ воинъ по своему коню" - 43), входили в обе картины - преимущественно в свалку битвы, но одновременно и в вихрь природы. В картине природы выстроились, так сказать, три этажа. Верхний: разыгравшиеся небеса, зори, молнии, облака, древа дубравные; средний: под ними - мечущиеся кони; нижний: под конями - гибнущие люди ("под коньскыми ногами издыхаху" - 43, падали "под коньскыа копыта", даже "самого же великого князя... с коня его збиша" - 44).

Это не значит, что ассоциация, связанная с конями, резко переменилась у автора. Автор описал нарушения, отклонения от нормального мира, что с горестью и признал: "Яко не мощно бѣ сего гръкаго часа

зрѣти никако же..." (43-44). А что "мощно зрѣти", что не "грько"? Нормальный порядок вещей, воспринимаемый автором как естественный, подразумевается следующим: нормально, когда зори не кровавые, да еще с молниями, а ясные и спокойные; нормально, когда небо не разверсто, а ровно; нормально, когда облака не багряные, да еще низкие, а белые и высокие; нормально, когда дубрава не клонится, а стоит стройно; нормально, наконец, когда всадники находятся на конях, а не под копытами. В такой нормальной картине, правда, не рисуемой прямо, а лишь подразумеваемой автором, вроде бы все трафаретно, непривычна лишь прибавка коней: значит, кони все-таки связывались именно с покоем, тихой погодой, прекрасной природой.

Подобная же ассоциация, несмотря на скрытость, повторялась и в последующем тексте, например, в заключительном рассказе о битве: "... сѣчаху..., аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается... изрываху, аки овчее стадо, ... кони их утомишася" (45). Естественным, нормальным положением подразумевалось то, когда лес не клонится, а стоит ровно; когда трава не постилается, а тянется вверх; когда овечье стадо не разгоняемо, а цело; когда кони не утомлены, а бодры,- картина мирной природы, в которую были включены и кони.

И далее, при подведении итогов битвы: "Грозно, братие, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грько посмотрити..., а трупу человечья - аки сенныя громады; борзъ конь не может скочити, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дни кровию течаху" (45). А что же представлялось автору не грозным, не "жалостным" и не горьким, на что ему было смотреть приятно? - На мирный пейзаж: на стога действительно сена, на чистые реки, на беспрепятственно скачущего коня. Значит, место коню - в идиллическом мире природы, - опять та же ассоциация.

Эта авторская ассоциация, повторявшаяся в разных обстоятельствах, дошла и до одного из заключительных эпизодов "Сказания". Битва

завершилась, и воины, снедаемые беспокойством, ищут пропавшего великого князя - и вот находят: "... уклонишася в дуброву... и наѣхаша великого князя бита, и язвена вельми, и трудна, отдыхающи ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова" (46), - картина, редчайшая для древнерусской литературы, она лишена воинской героики и содержит болезненный мотив - обессиленого отдохновения человека, оцепенения вместе с природой: в дуброве (она названа и "дебрью" - 44), лежит ссеченная береза, лежит и контуженный князь - в ее тени (в Киприановской редакции добавлено: "Под ветвми лежаше, аки мрътв" - 67). Сразу следуют упоминания коней, хотя упоминать их было не обязательно: "И видѣша его и, спадше с коней... и приведоша ему конь". Кони вписались в картину, довольно специфическую: природа смиренна, смиренны люди и кони (недаром добавлено: "И приведоша великому князю конь кроток" - Печатный вариант Основной редакции, 124), - кони ассоциировались с покоем, пусть и болезненным.

Конечно, в "Сказании" встречались эпизоды, где конь связывался только с ратью, только с воинской картиной (например: "И всѣде на избранный свой конь, и вземъ копие свое и палицу желѣзную, и подвижеся ис полку", - о природе ничего, 42). Но такие случаи единичны. В подавляющем большинстве эпизодов, если в "Сказании" упоминались кони, то они ассоциировались с тихостью, с хорошей погодой, с приятным ландшафтом, с отдохновением от напряжения, в общем, с мирной или смиренной природой. Ассоциация "конь - мирная природа" пронизала все "Сказание", хотя конь оставался боевым и не становился "сельскохозяйственным".

Откуда автор "Сказания" мог перенять подобную ассоциацию? "Задонщина", а тем более "Слово о полку Игореве" не связывали коней со спокойной природой. Значит, эта ассоциация вряд ли была подсказана автору литературными источниками. Но нечто похожее существовало в

фольклоре, например, в былинах, где не раз упоминались кони во зеленых тихих заводях ("Алеша Попович", "Михайла Казаринов", "Потук Михайла Иванович", "Царь Саул Леванидович" - перечисляем былины, как они следуют в "Сборнике" Кирши Данилова. Сверх того ср. былины "Илья Муромец и Сокольник", "Сухман" и др.). Конь упоминался и у березы "покляпыя" (в былине "Илья Муромец и Соловей-разбойник"). Связь коней с тихой природой в "Сказании о Мамаевом побоище", вероятно, была навеяна фольклором, устными преданиями. Странного тут нет: исследователи отмечали в "Сказании" и многие другие фольклорные мотивы[16]. За этой ассоциацией все-таки не скрывалось резкого творческого своеобразия автора, который и тут проявил себя как памятливый и переимчивый компилятор.

Тем не менее, автор "Сказания" был одним из первых, кто подключил коня (со всадником) к идиллической картине природы. В литературе XУ в. аналогий этому, пожалуй, и не подыскивается. Лишь с конца XУ - начала XУI в. конь снова появился в идиллической обстановке. Например, в "Повести о Тимофее Владимирском", где герой и его конь действовали в покойном и умилительном месте: "Идущу же ему чистым и великимъ полемъ... Ѣдущу же ему на конѣ своемъ... и поюще умилно красный стих любимый пресвятѣи Богородицѣ: "О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь"" (60), - здесь каждая деталь украшала и успокаива-

---

[16] Ср., например: Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 56; Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре // ТОДРЛ. М.;Л., 1961. Т. 17. С. 115-128; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники: 1976 г. М., 1976. С. 98-101; Дмитриев Л.А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 379-380.

ла, здесь герой "свое сердце во умиление положи" и "спа до утра на травѣ" (60, 62).

Затем конь неожиданно стал являться в светлых благостных видениях. Например, в "Степенной книге" рассказывалось о том, что в 1491 г. Александр Невский привиделся "на кони... ядяща" в облаке, а "облакъ легкий протязашеся или яко дымъ тонокъ изливаяся, бѣлостию же яко иней чистъ, свѣтлостию же яко солнцу подобообразно блещася" (569), - в такой прохладной белизне и сиянии находился конь. В аналогичном сиянии представал конь в рассказе о явлении Николы Мирликийского в 1559 г.: "Свѣтлый онъ мужъ, на кони еадя..., вниде на кони въ церковь. И въ церкви тако же свѣтъ велий явися" (672), - вместе с конем некое сияние из внешнего мира вошло в интерьер.

К началу XVII в. конь занял постоянное место в красивых, цветных, почти лубочных пейзажах, как например, в повестях о Бове и о Еруслане Лазаревиче. Первый и до поры незаметный шаг к этому сделал конь в "Сказании о Мамаевом побоище".

Итак, в "Сказании" присутствовало два мира животных: один - героический, а другой мир, так сказать, идиллический. Каждый мир держался на своих шаблонах. Но возьмем почти любой эпизод, например, сцены начала похода, которые мы уже разбирали: здесь одновременно и бок о бок действовали и героически неукротимые соколы со стадами лебедиными и гусиными, и комфортные кони, овеваемые "ветрецом" и озаряемые тихим утренним солнцем. Такие примеры в "Сказании" повсеместны. Миры легко и пестро сочетались, не порождая принципиально нового целого, потому что автор "Сказания" в первую очередь являлся искусным книжником, он всюду основывался на одинаковом принципе, естественном для него, высококвалифицированном по тем временам, но,на наш взгляд, все-таки ремесленном, - на игре формулами и шаблонами,

на эклектическом эффекте украшенности[17].

Своеобразие автора "Сказания" заключалось в том, что он почти каждый эпизод насыщал небывалым множеством деталей, пусть книжных или фольклорных. Почти каждый такой эпизод сопровождался неоднократными замечаниями о том, как все это "видѣти", "зрѣти" или "посмотрити" – и персонажам, и авторам, и читателям: "... възъехавъ на высоко место и увидѣвъ" (39), "на высоцѣ мѣсте стоя, видѣти" (40), "выѣхав на высоко мѣсто... зряй" (43), "особь стояти и нас смотрити" (42), "и видѣти добрѣ" (41), "видиши ли что, княже? – ... Вижу" (40) и т.д. и т.п. В древнерусских памятниках учащение упоминаний о зрении и смотрении на события всегда было связано с усилением изобразительности повествования. Тем более это касалось очень частых упоминаний о "видении" в "Сказании". Автор "Сказания", по-видимому, хотел усилить зримость изображаемых картин. Но он делал это, оставаясь по-преимуществу книжником, – только за счет увеличения количества традиционных деталей и эклектического их смешения, без привлечения деталей, им лично наблюденных. В историко-литературной перспективе "Сказание о Мамаевом побоище" знаменовало собой своего рода напряжение старой манеры описаний, но еще без открытия манеры новой.

---

[17] Ср.: Колесов В.В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 33–46. В.А.Кучкин видит в "Сказании" "творчество умного человека" (устное высказывание исследователя на обсуждении моего доклада в ИМЛИ в 1989 г.).

Цитированные источники

"Александрия" сербская - ПЛДР. Т. 5 / Текст памятника подгот. Е.И.Ванеева.

"Александрия" хронографическая - Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения.

"Беседа трех святителей" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. М.В.Рождественская.

"Библия" - Библия. Острог, 1581. Указываются листы и столбцы издания.

"Вольга" - Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.;Л., 1950. Т. 2.

"Галицко-Волынская летопись" - ПЛДР. Т. 3. / Текст памятника подгот. О.П.Лихачева.

"Житие Авраамия Смоленского" - Древнерусские предания (XI-XVI вв.) / Текст памятника подгот. В.В.Кусков. М., 1982.

"Житие Андрея Юродивого" - Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1870. Октябрь, дни 1-3. Указываются столбцы издания.

"Житие Василия Нового" - Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2: Тексты жития.

"Житие Макария Римского" - цит. по: Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., 1968.

"Задонщина" - Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова" / Тексты памятника подгот. Р.П.Дмитриева. М., 1966.

Летописная повесть (пространная) о Куликовской битве - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст подгот. Л.А.Дмитриев. Л., 1982.

"Луцидариус" - Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.

"Моление Даниила Заточника" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. Д.С.Лихачев.

"Палея толковая" - Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С.Тихонравова. М., 1892. Вып. I.

ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. Т. 2: ХII век; 1981. Т. 3: XIII век; 1981. Т. 4: XIV-середина XV века; 1982. Т. 5: Вторая половина XV века; 1984. Т. 6: Конец XV-первая половина XVI века.

"Повесть о Тимофее Владимирском" - ПЛДР. Т. 6 // Текст памятника подгот. Н.С.Демкова.

"Повесть об Акире Премудром" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.

Поучение Кирилла Философа - цит. по: Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., 1968.

"Синайский патерик" - Синайский патерик / Изд. подгот. В.Е.Гольшенко, В.Ф.Дубровина. М., 1967.

"Сказание Агапия о рае" - "Успенский сборник".

"Сказание о Мамаевом побоище", Забелинский список - Повести о Куликовской битве // Текст подгот. М.Н.Тихомиров. М., 1959; Летописная редакция - Там же / Текст подгот. он же.

"Сказание о Мамаевом побоище", Киприановская редакция - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст подгот. О.П.Лихачева. Л., 1982; Основная редакция // Там же / Текст подгот. В.П.Бударагин и Л.А.Дмитриев; Печатный вариант Основной редакции // Там же / Текст подгот. Л.А.Чуркина; Распространенная редакция // Там же / Текст подгот. Л.А.Дмитриев и Л.А.Чуркина.

"Сказание об Индийском царстве" - ПЛДР. Т. 3. / Текст памятника подгот. Г.М.Прохоров.

"Слово о полку Игореве" - Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л.А.Дмитриев и Д.С.Лихачев. Л., 1967.

"Слово о прилюблении убогих" Иоанна Златоуста - "Успенский сборник".

"Слово о трех мнисех" - Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.

"Слово похвальное Кириллу и Мефодию" - "Успенский сборник".

"Степенная книга" - ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 / Подгот. П.Г.Васенко.

"Толковая палея" - Толковая палея 1477 года: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210 / Под набл. П.П.Новицкого. СПб., 1892. Указываются листы и столбцы издания.

"Успенский сборник" - Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания.

"Физиолог" - Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. Страницы издания указываются: по списку XV в. - арабскими цифрами, по списку XVI в. - римскими цифрами.

"Хроника" Константина Манассии - Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Тексты подгот. М.А.Салмина. Словоуказатели подгот. О.В.Творогов. София, 1988.

"Шестоднев" Иоанна Экзарха - Шестоднев, составленный Иоанном екзархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года. Слово в слово и буква в букву / Подгот. О.М.Бодянский // ЧОИДР. 1879. Кн. 3. Указываются листы и столбцы издания.